УДК 343.9

ИСТОКИ ПРИЧИННО ОБУСЛОВЛЕННОГО МЕХАНИЗМА ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

THE ORIGINS OF CAUSE–RELATED MECHANISM EXTREMISM AND TERRORISM (ON THE EXAMPLE OF DAGESTAN REPUBLIC)

©Макогон И. В.
канд. юрид. наук
Волгоградская академия МВД России
г. Волжский, Россия
©Makogon I.
JD, Volgograd Academy of the MIA of Russia
Volzhskiy, Russia
©Косарева Л. В.
Управление делами Президента РФ
г. Москва, Россия, kosa55@yandex.ru
©Kosareva L.
Russian President Administration
Moscow, Russia, kosa55@yandex.ru

Аннотация. Преступления экстремисткой и террористической направленности стали проблемой для многих регионов Российской Федерации. В статье показан причинно обусловленный механизм развития экстремизма и терроризма, рассмотрены истоки и региональные особенности причинно обусловленного механизма экстремизма и терроризма в Республике Дагестан. В заключение делаются выводы и предлагаются программно–целевые меры воздействия и противодействия экстремизму и терроризму в Республике Дагестан и других субъектах Российской Федерации.

Abstract. Crimes of extremist and terrorist nature became a problem for many regions of the Russian Federation. The article shows in-decorum due to the mechanism of development of extremism and terrorism, considering Rena's origins and regional peculiarities caused by the mechanism of extremism and terrorism in the Republic of Dagestan. Finally, we make conclusion and dy are targeted interventions and countering extremism and terrorism in the Republic of Dagestan and other Russian regions.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, причинно обусловленный механизм, региональные особенности, программно–целевые меры, Республика Дагестан.

Keywords: extremism, terrorism, cause-related mechanism, regional characteristics, program–targeted measures, the Republic of Dagestan.

Для России проблема экстремизма и терроризма наиболее остро встала со второй половины 80-х г. г. распад СССР, рост сепаратизма и национального экстремизма, экономический спад и современный кризис, несовершенство деятельности правоохранительных

органов и рост преступности, особенно организованной, привели к созданию атмосферы вседозволенности и безнаказанности. Обострение борьбы за сферы влияния между различными социальными силами, политическими идеологиями, блоками, союзами, в том числе этнического и религиозного характера, стремление применения в этой борьбе крайних, насильственных методов (методов террора, устрашения) стало препятствием развития правового государства [1, с. 186–190].

Уголовно–правовое реагирование на террористические и экстремистские деяния не является эффективным. Число расследованных в течение года преступлений в России заметно ниже числа зарегистрированных, но еще ниже — числа выявленных и привлеченных к уголовной ответственности преступников. Чем эффективнее выявление виновных и изучение механизма формирования их личности, мотивов поведения, тем полнее представление о процессе детерминации преступного поведения и предупредительного воздействия на экстремистов и террористов [2, с. 12–13; 530–536].

Наиболее остро данные негативные явления проявляются в республиках Северного Кавказа и ближнего зарубежья. Если в 90-х годах XX века экстремистским центром считалась Чеченская Республика, то в настоящее время он переместился в Республику Дагестан. Несмотря на низкий уровень преступности среди субъектов Российской Федерации, она занимает передовые места по уровню преступности террористической и экстремистской направленности. Экстремистская деятельность лежит, как правило, в основе террористических актов и иных особо опасных преступлений.

По имеющимся данным, финансирование бандгрупп, находящихся на территории Дагестан, осуществляется сторонниками экстремистской идеологии из крупных городов России, ближнего и дальнего зарубежья. В последние годы наблюдается отрицательная тенденция переноса лидерами дагестанского бандподполья подрывной деятельности на регионы России. Процессуально установлено, что теракты в Пятигорске, Дагестане, Волгограде и в метрополитене Москвы совершили так называемые «смертники», подготовленные на территории Дагестана главарями террористических групп [3, с. 5].

В Республике Дагестан наиболее распространены посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих; лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование; общественных и государственных деятелей. Криминальное первенство принадлежит республике и по экстремистским и террористическим актам. Нередко экстремистским почерком совершаются преступления террористической направленности, направленные на устранение конкуренции в теневой экономике, оппозиционеров, конкурентов на должность; освобождение ключевых постов в органах власти; раздел бюджетных средств; создание экстремистской ситуации в республике для получения федеральных средств [4].

Особенностью данного региона Российской Федерации стал процесс массового вовлечения молодежи в структуры экстремистской и террористической деятельности. В 2013–2015 г. г. среди задержанных за экстремистскую и террористическую деятельность в Республике Дагестан, 60–70% были лицами молодого возраста.

Как известно, основным фактором криминальной ситуации в Республике Дагестан является ее социально–экономическое положение. По большинству социальных показателей республика уступает другим субъектам Российской Федерации. Это связано с тем, что в основном материальные богатства, включая природные ресурсы, фактически сосредоточены в руках нескольких находящихся у власти олигархов и кланов [5, с. 279].

Отсутствие достаточного количества государственных предприятий и учреждений и целенаправленной социальной политики способствовало росту числа молодых людей, которым

чужды трудовые отношения и легальные способы заработка. В то же время внешние и внутренние деструктивные силы, особенно ИГИЛ, материально заинтересовывая молодых людей, используют их для достижения экстремистских и террористических целей в России. Целью зарубежных структур экстремистского и террористического плана является создание опасной криминальной ситуации в приграничных регионах Российской Федерации, нарушение ее целостности и стабильности руками собственных граждан и граждан приграничных республик.

Проведенные учеными исследования подтверждают, что представители власти федеральных органов и муниципальных образований не интересуются проблемами молодежи, не предпринимают особых усилий по улучшению социального, экономического, политического (идеологического) положения молодежи. По данным официальной статистики, 85% среди убитых членов НВФ — это лица молодого возраста, а это в свою очередь вызывает у других молодых людей ненависть, вражду и месть за погибших [6, с. 17–19].

Следует отметить, что сложившаяся криминальная ситуация в Республике Дагестан выступает как результат разгула преступности и коррупции. Именно коррупция в высших эшелонах власти создает условия для развития экстремизма и терроризма в данном субъекте Российской Федерации. Попустительство, или активное способствование реализации экстремистских целей зарубежных сепаратистов, со стороны подкупленных представителей власти толкают молодых людей на преступления экстремистской и террористической направленности. Неравенство и социальная несправедливость со стороны чиновников, сотрудников правоохранительных органов и правосудия являются одними из основных факторов причинно обусловленного механизма экстремизма и терроризма. Этнические, клановые и коррупционные взаимоотношения почти полностью вытеснили социально-правовые регуляторы. Нормой поведения стали насилие, лицемерие и безответственность, лживость и продажность государственных деятелей, игнорирование общественных интересов, пренебрежение нормами права и морали в обществе.

Известный осетинский просветитель и публицист К. Л. Хетагуров о причинах преступности говорил следующее: «в условиях как патриархально–феодальных отношений, так и буржуазного общества, людей толкают на преступление несправедливые устои существующего политического строя, основанные на неравенстве и несправедливости, на эксплуатации и порабощении одних другими»… главная причина роста преступности на Кавказе кроется «в коренных изменениях экономического и административного строя страны» [7, с. 149].

Надо отметить, что в вопросе о понимании причин преступности представители интеллигенции Северного Кавказа стояли, в целом, на материалистической позиции, ибо причины преступности они видели в материальной необеспеченности народа, в разделении общества на имущих и неимущих, в противоположности интересов враждебных социальных групп, в социальном неравенстве и несправедливости [8, с. 101–105].

А. И. Долгова справедливо пишет: «если быть точным, то надо указывать, что криминология изучает диалектическую детерминацию преступности с вычленением причинности», то есть причинных комплексов преступности [9, с. 219; 106–318]. Ученые полагают, что творческий ресурс этого направления далеко не исчерпан и требуются дальнейшие исследования этой идей [10, с. 85–86]. В частности, В. А. Номоконов пишет о причинном комплексе следующее: «Я исхожу из понимания последнего как комплекса глубоких деформаций общественных отношений, тормозящих экономический, социальный и духовный прогресс общества, ограничивающих свободу субъектов общественной жизни,

выражающих социальную несправедливость, ведущих к отчуждению граждан от ценностно–нормативной системы государства…» [11, с. 189]. «С этой точки зрения, деформированные общественные отношения — это такие ущербные отношения, где свобода одних субъектов гипертрофируется за счет подавления воли, ущемления интересов и ограничения свободы других участников данных отношений, где одни субъекты удовлетворяют свои потребности ценой материального и социального благополучия, здоровья и даже жизни других. Другими словами, это отношения несправедливости, неравенства, социальной дезорганизации, эксплуатации и угнетения. Это и социальное расслоение, и правовое неравенство и любой другой острый дисбаланс интересов» [12, с. 201–203]. Все это ярко выражено в причинно обусловленном механизме преступности Республики Дагестан.

В этой связи хотелось бы обратить внимание о своеобразном «политическом экстремизме» представителей власти. Ученые пишут, что в Республике Дагестан небольшая группа людей вместе с правоохранительными, судебными и иными органами власти отделилась от населения. Чиновники и руководители структур республиканского и муниципального уровня охраняются автоматчиками, к местам их работы и проживания не подступиться из-за усиленной охраны, высоких заборов и видеокамер. Поэтому наиболее радикальная часть молодежи объявила войну государственным и правоохранительным органам как опоре и инструменту поддержки властных структур. Экстремистская ситуация в Республике Дагестан — это протест против дефектности существующей власти и ее политики [13, с. 279–280].

На проведение террористических акций из федерального бюджета выделяются достаточно большие средства силовым структурам. Поэтому террористическая и экстремистская ситуация в Республике Дагестан — это некий круговорот денежных средств: представители экстремистских сообществ посягают на жизнь сотрудников правоохранительных органов, которые, в свою очередь, уничтожают боевиков. За посягательство на жизнь представителей власти тратятся значительные суммы денег террористических сообществ, которые, в свою очередь, вымогаются у бизнесменов, предпринимателей, коррумпированных чиновников, сотрудников правоохранительных органов путем угроз, экстремистского рэкета и шантажа.

Как известно, в Республике Дагестан «внутренние источники» питают терроризм, поскольку представители экстремистских сообществ изымают нечестно нажитые деньги у бизнесменов и должностных лиц, которые не обращаются в правоохранительные органы. Федеральные власти пытаются перекрыть финансирование экстремистских сообществ из зарубежных стран, в тоже время «внутренние источники» спонсируют программу внедрения радикального настроя среди молодежи в другие регионы Российской Федерации.

Одним из способов противодействия экстремизму является прекращение федеральных дотаций в Республику Дагестан. Миллиардные, практически бесконтрольные федеральные дотации лишь усиливают раскол общества, его экстремизм и радикализм. Такая ситуация в республике выгодна многим властным структурам. Поэтому основным направлением нормализации обстановки в республиках Северного Кавказа является целевое, социально–экономическое развитие, решение социальных вопросов занятости и материального обеспечения населения. Вместо дотаций, направляемых на обогащение представителей власти, целесообразнее было бы возродить производство, создать государственные предприятия (школы, вузы, заводы, фабрики, колхозы, совхозы, кооперативы, фермерские хозяйства, развивать частный и средний бизнес). Работа в государственных предприятиях и учреждениях, участие в бизнесе даст возможность молодым людям почувствовать себя в определенной мере социально защищенными и станет сдерживающим фактором от вовлечения их в экстремистскую и террористическую деятельность.

Негативный резонанс у населения вызывается разрывом между требованиями законности и ее реализацией представителями власти. По результатам опроса среди различных категорий населения, у 87% опрошенных сложилось мнение, что представители власти не желают улучшения ситуации в республике. По мнению 65% респондентов, основная цель государственных деятелей — это собственное обогащение и благоустройство своих многочисленных родственников за счет федеральных дотаций, нищенского положения учителей, врачей, ученых и других служащих [14, с. 17–19]. Правовой нигилизм и коррумпированное обогащение чиновников за счет населения, в свою очередь, увеличивает мощь экстремистских сообществ, экстремистской и террористической идеологии, которая является катализатором этой деятельности.

О каких бы причинах, порождающих терроризм и экстремизм, мы ни говорили, какие бы комплексы факторов мы ни выделяли, прежде всего, необходимо подчеркнуть, что Россия и ее субъекты переживает период, в основе которого лежит передел собственности и власти, прямо затронувший судьбу и интересы всех граждан страны. В такой период, тем более отягощенный тяжелым экономическим кризисом (особенно в республиках Северного Кавказа), в обществе объективно создаются условия социального противостояния, формируется особое состояние массового сознания, для которого характерна неадекватная оценка реальной действительности, иллюзии на хорошую жизнь без труда, широкое распространение получают настроения неуверенности, неоправдавшихся надежд, социального страха, озлобленности и агрессивности [15, с. 181–183; 22–26].

В этих условиях легко воспринимаются экстремистские призывы к акциям социального протеста. Когда это еще дополняется слабостью региональной власти, ее неспособностью обеспечить физическую безопасность личности и ее имущества, культ насилия начинает стремительно прокладывать себе дорогу, и экстремизм в этих условиях становится неотъемлемой частью менталитета населения (пример, Украина). Вспомните, как реагировало наше общество на события в Сумгаите, Фергане, Тбилиси и как относительно спокойно воспринимает оно сегодняшнюю действительность [16, с. 121–128]. Последние примеры террористических актов в г. г. Волгограде, Дагестане, Грозном, в мировом масштабе — теракты на борту Российского самолета над Египтом, Сирией, во Франции, Бельгии и других странах говорят об этом с болью и негодованием.

Важным направлением противодействия терроризму и экстремизму является сведение к минимуму нарушений конституционных прав и свобод представителей различных этносов, национальностей со стороны чиновников, представителей власти на региональном уровне. Пока федеральная власть не поймет эту истину (в Сирии власть осознала и ведет бескомпромиссную войну с террором), республика Дагестан при любых капиталовложениях и контртеррористических операциях будет оставаться генератором террористов и экстремистов для всей России [17, с. 73–79].

В последние годы появилась волна протестов, отражающих весь комплекс проблем межнациональных и межэтнических противоречий. Возрастает роль и значение политических, религиозных, националистических и иных идей, которые начинают приобретать экстремистский характер и провоцировать определенные группы и слои населения на силовое противодействие государству.

Для решения поставленных задач по противодействию терроризму во многих регионах нашей страны принимаются целевые программы и отдельные нормативно–правовые акты, регламентирующие профилактику терроризма и экстремизма. Так, Смоленской областной думой 13 февраля 2014 г. было принято постановление «О профилактике терроризма и

экстремизма, а также целевая программа минимизации и (или) ликвидации последствий проявления терроризма и экстремизма на период 2014–2016 г. г.». Основной целью программы является противодействие терроризму и экстремизму и защита жизни граждан, проживающих на территории муниципального образования от террористических и экстремистских актов [18]. Но этого мало. Такие решения и программы должны приниматься во всех регионах Российской Федерации.

По мнению ряда авторов, точку зрения которых мы разделяем, одной из причин широкомасштабного распространения экстремизма в России является несовершенство уголовной политики, что требует разработки и принятия ее новой концепции [19, с. 171].

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что современный экстремизм, составными элементами которого выступают терроризм, ксенофобия, национализм и фашизм, отрицающий этническое и религиозное многообразие – важнейший фактор исторического развития России, угрожает безопасности общества и государства, грубо нарушает права человека, подрывает устои демократического государства. Поэтому в настоящее время противодействие экстремизму является важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [20]. Осознание всей остроты стоящих в России вопросов противодействия религиозному, национальному экстремизму и, безусловно, терроризму, ведет к пониманию того, что на этапе укрепления государственной власти, проведения непопулярных политических реформ в период до начала следующих выборов в Государственную Думу Российской Федерации и Президента России, стране требуется эффективная, а главное, отлаженная система противодействия экстремизму и терроризму, правовые основы, которой должны быть заложены уже сейчас [21, с. 6–11].

Поэтому, важно осуществлять комплекс целевых мер, направленных на борьбу с организованными проявлениями экстремистской преступности, в т. ч. коррупционной направленности, в целях пресечения деятельности бандподполья, подрыва финансовой базы его функционирования. Необходима программно–целевая стратегия борьбы с региональным и международным экстремизмом и терроризмом, а также эффективная социальная и пропагандистская работа с населением, особенно среди несовершеннолетних и молодежи в субъектах Российской Федерации. Ибо истоки причинно обусловленного механизма экстремизма и терроризма, как и всей преступности коренятся в сфере экономики, обусловленной политикой государства. Однако, ни та, ни другая сторона, противоборствующая друг другу не желают это понять и тем более идти на толерантный компромисс урегулирования конфликтов, связанных с экстремизмом и терроризмом на современном этапе. Примером является вновь вспыхнувший Нагорно–Карабахский конфликт, истоками которого является длительный экономический и политический кризис.

Список литературы:

1. Анищенко К. В. Причинный комплекс терроризма // Общество и право. 2008. №2. С. 186–190.

2. Долгова А. И. Теоретические основы реагирования на терроризм и экстремизм: материалы научно–практической конференции. М.: Российская криминологическая ассоциация; Ставрополь: Изд–во СКФУ, 2015. С. 12–13.

3. Попов Е. А. Комплексный подход в исследовании современного терроризма // Право и политика. 2010. № 3. С. 530–536.

5. Абдулатипов А. М. Структура и характер деятельности бандподполья в Республике Дагестан на современном этапе // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии: сборник научных трудов. Ставрополь: Изд–во СКФУ, 2014. С. 5.

6. Криминологическая ситуация и реагирование на нее / под ред. А. И. Долговой. М., 2014. С. 279.

7. Зиядова Д. З. Проблемы терроризма и экстремизма в регионах Российской Федерации в системе с преступлениями и просчетами представителей органов власти / Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: материалы научно–практической конференции. М.: Российская криминологическая ассоциация; Ставрополь: Изд–во СКФУ, 2015. С. 17–19.

8. Хетагуров К. Л. Полное собрание сочинений. В 5-ти томах. Владикавказ. 1999–2001. Т. 4. С. 149.

9. Айбатов М. М. Просветители Северного Кавказа о причинах преступности в Северокавказском регионе в Х1Х в. // Право и государство: теория и практика. 2009. №7 (55). С. 101–105.

10. Криминология. Учебник для вузов. 4–е изд. / под ред. А. И. Долговой. М., 2010. С. 106–318.

11. Агаев Г. А., Сафин Ф. Ю. Теоретические основы исследования причинного комплекса преступности. СПб., 2002. С. 85–86.

12. Номоконов В. А. Теория причинности в криминологии нуждается в более глубоком подходе // Российский криминологический взгляд. 2008. №3. С. 189.

13. Номоконов В. А. Причинный комплекс преступности в современной России // Российский криминологический взгляд. 2009. №1. С. 201–203.

14. Криминологическая ситуация и реагирование на нее / под ред. А. И. Долговой. М., 2014. С. 279–280.

15. Зиядова Д. З. Проблемы терроризма и экстремизма в регионах Российской Федерации в системе с преступлениями и просчетами представителей органов власти // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: материалы научно–практической конференции. М.: Российская криминологическая ассоциация; Ставрополь: Изд–во СКФУ, 2015. С. 17–19.

16. Гончаров С. А. Особенности терроризма в России // Актуальные проблемы Европы. Проблемы терроризма. 1997. Вып. 4., С. 181–183.

17. Атбаев К. Т. К проблемам изучения международного терроризма в современной юридической литературе // Правовое государство: теория и практика. 2012. т. 1. №27. С. 22–26.

18. Горев А. И. Информационные методы противодействия экстремизму и терроризму // Научный портал МВД России. 2010. №11. С. 121–128.

19. Меркурьев В. В., Борисов С. В. Конституционные основы противодействия экстремистской деятельности // 20 лет Конституции Российской Федерации: сб. ст. / авт. кол. под рук. Т. Л. Козлова; Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации. М., 2013. С. 73–79.

20. Постановление Смоленской областной думы №10 от 13.02.2014. «О профилактике терроризма и экстремизма, а также минимизации и (или) ликвидации последствий проявления терроризма и экстремизма на период 2014–2016 г. г.».

21. Петрянин А. В. Значение уголовной политики в области противодействия экстремизму. Уголовная политика и правоприменительная практика // Сборник статей. Санкт-Петербург, 2015. С. 171.

22. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

23. Денисенко Ю. В. Современное состояние противодействия экстремизму и его тенденции // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы тринадцатой международной научно–практической конференции: в 2 ч. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. Ч. 1. С. 6–11.

References:

1. Anishchenko K. V. Prichinnyi kompleks terrorizma / Obshchestvo i pravo. 2008, no. 2, pp. 186–190.

2. Dolgova A. I. Teoreticheskie osnovy reagirovaniya na terrorizm i ekstremizm: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moscow, Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya; Stavropol: Izd–vo SKFU, 2015, pp. 12–13;

3. Popov E. A. Kompleksnyi podkhod v issledovanii sovremennogo terrorizma. Pravo i politika. 2010, no.3, pp. 530–536.

5. Abdulatipov A. M. Struktura i kharakter deyatel'nosti bandpodpol'ya v Respublike Dagestan na sovremennom etape. Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovnogo prava i kriminologii: sbornik nauchnykh trudov. Stavropol, Izd–vo SKFU, 2014. P. 5.

6. Kriminologicheskaya situatsiya i reagirovanie na nee / pod red. A. I. Dolgovoi. Moscow, 2014. P. 279.

7. Ziyadova D. Z. Problemy terrorizma i ekstremizma v regionakh Rossiiskoi Federatsii v sisteme s prestupleniyami i proschetami predstavitelei organov vlasti. Problemy teorii i praktiki bor'by s ekstremizmom i terrorizmom: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moscow, Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya; Stavropol: Izd–vo SKFU, 2015. P. 17–19.

8. Khetagurov K. L. Polnoe sobranie sochinenii. V 5–ti tomakh. Vladikavkaz. 1999–2001. T. 4. P. 149.

9. Aibatov M. M. Prosvetiteli Severnogo Kavkaza o prichinakh prestupnosti v Severokavkazskom regione v XIX v. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2009, no. 7 (55). P. 101–105.

10. Kriminologiya. Uchebnik dlya vuzov. Moscow, 2010, pp. 106-318.

11. Agaev G. A., Safin F. Yu. Teoreticheskie osnovy issledovaniya prichinnogo kompleksa prestupnosti. SPb., 2002, pp. 85–86.

12. Nomokonov V. A. Teoriya prichinnosti v kriminologii nuzhdaetsya v bolee glubokom podkhode. Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad. 2008, no. 3, pp. 189.

13. Nomokonov V. A. Prichinnyi kompleks prestupnosti v sovremennoi Rossii. Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad. 2009, no 1, pp. 201–203.

14. Kriminologicheskaya situatsiya i reagirovanie na nee / pod red. A. I. Dolgovoi. Moscow, 2014, pp. 279–280.

15. Ziyadova D. Z. Problemy terrorizma i ekstremizma v regionakh Rossiiskoi Federatsii v sisteme s prestupleniyami i proschetami predstavitelei organov vlasti. Problemy teorii i praktiki bor'by s ekstremizmom i terrorizmom: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moscow, Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya; Stavropol: Izd–vo SKFU, 2015, pp. 17–19.

16. Goncharov S. A. Osobennosti terrorizma v Rossii. Aktual'nye problemy Evropy. Problemy terrorizma. 1997. Vyp. 4, Moscow, pp.181–183.

17. Atbaev K. T. K problemam izucheniya mezhdunarodnogo terrorizma v sovremennoi yuridicheskoi literature. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2012, t. 1, no. 27, pp. 22–26.

18. Gorev A. I. Informatsionnye metody protivodeistviya ekstremizmu i terrorizmu. Nauchnyi portal MVD Rossii. 2010, no. 11, pp. 121–128.

19. Merkurev V. V., Borisov S. V. Konstitutsionnye osnovy protivodeistviya ekstremistskoi deyatel'nosti. 20 let Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii: sb. st., avt. kol. pod ruk. T. L. Kozlova; Akad. Gen. Prokuratury Ros. Federatsii. Moscow, 2013, pp. 73–79.

20. Postanovlenie Smolenskoi oblastnoi dumy № 10 ot 13.02.2014. "O profilaktike terrorizma i ekstremizma, a takzhe minimizatsii i (ili) likvidatsii posledstvii proyavleniya terrorizma i ekstremizma na period 2014–2016 gg.".

21. Petryanin A. V. Znachenie ugolovnoi politiki v oblasti protivodeistviya ekstremizmu. Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika. Sbornik statei. Saint Petersburg, 2015, pp. 171.

22. Ukaz Prezidenta RF ot 12 maya 2009 g. № 537. SZ RF. 2009. № 20. St. 2444. "O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda".

23. Denisenko Yu. V. Sovremennoe sostoyanie protivodeistviya ekstremizmu i ego tendentsii. Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: materialy trinadtsatoi mezhdunarodnoi nauchno–prakticheskoi konferentsii: v 2 ch. Barnaul: Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2015, Ch. 1. P. 6–11.

Работа поступила в редакцию 11.05.2016 г.

Принята к публикации 13.05.2016 г.